

Кирилл выкроил наконец несколько дней, взял билет на удобный экспресс в сидячий вагон, прихватил в день отъезда гостинцы из вкусной кондитерской и прискакал прямо с работы на Курский вокзал минут за десять до отправления. Упав на кресло и переведя дух, осматривался. Как-то сразу взор споткнулся о соседа, крепкого поджарого мужчину. Он сидел в ближнем ряду через проход, читал книгу. Вяло блуждая по объемному полупустому салону, глаза несколько раз еще возвращались к этому крепышу. «Знакомое очень лицо, мой ровесник примерно, — отметил Кирилл. — Где-то пересекался с ним, причем в юности, при Союзе. Но где?.. Жаль глаз не видно почти». Понаблюдав еще немного, понял, кого он напоминает: «На того самого “афганца” очень похож». «А что, спрошу, — решил Кирилл, не раздумывая. — Рядом с ним никого. Ошибся — невелика беда». Дождавшись, пока поезд тронется, наберет скорость, встал и сделал несколько шагов к соседу.

— Простите, мне кажется мы встречались давным-давно. Вы не служили в Афгане в восемьдесят втором году?

Крепыш нехотя оторвал глаза от книги, оглядел пытливо обратившегося и, не узнав, скупно бросил: «Было дело».

— В середине лета вы прибыли с колонной машин на нашу сторону Амударьи, в пограничный Термез, — настырно напоминал Кирилл, почти уверенный уже, что не обознался. — Что-то привезли, чем-то загрузиться должны были. И перед дорогой обратной заглянули на местное водохранилище покупаться. С сослуживцем... На ГАЗ-66.

— ...Был, был такой эпизод, — подтвердил крепыш, морщина лоб, прищуривая глаза, и через мгновение встрепенулся: «А-а, вы тот студент, что с приятелем, кажется тоже студентом, отдохали там... Точнее от жары спасались... Да-да. На каникулы приехали домой... Угощали нас пирожками домашними, арбузом, чаем. Беседовали о том о сем... Я про себя, кажется, рассказывал: выговорился по случаю... Хорошо так окунулся в мир, разомлел».

— Все старались угодить вам, — продолжал вспоминать подробности довольный Кирилл. — А то мы балдеем, гладь да тишь вокруг, а вам не сегодня-завтра встреча с духами* маячит... и неизвестно еще, как все обернется. Само собой, узнать хотелось из первых уст, что там «за речкой».

— Да-да, так и было, — закивал оживленно крепыш, откладывая книгу. — Рад, рад увидеть... Вы далеко едете?

— В Нижний Новгород — маму навестить. А вы?

— Во Владимир.

— Так у нас времени полно, — обрадовался Кирилл. — Может я пересяду, поговорим? Как?

— Да-да, конечно, — согласился сразу «афганец», закрывая книгу. — Простите, не помню имени вашего.

Кирилл назвал, перетащил свою дорожную сумку со старого места на новое и присел.

— А я ваше помню, — похвалился он. — Степан. Так?

— Точно, — улыбнулся тепло крепыш.

— Да-а, тесен мир, — покачал головой Кирилл. — Больше тридцати пяти лет прошло — надо же... Я потом еще долго возвращался к той случайной встрече, к истории вашей... тогда уже необычной. Думал, живы — нет? Мысль даже была разыскать вас в Москве, когда доучивался в вузе. Вы же москвич?

— С девяти лет.

— Но фамилию забыл, адресами мы не обменялись... Отец ваш, помнится, генерал. И брат у вас был. Вы с ним двойняшки. Поступали оба в МИФИ да провалились. Откосить хотели от армии, отец не дал... и после призыва от Афгана не отвел... Служили с братом вместе, где-то на передке. Брата ранили тяжело и в плен захватили — погиб... жутко погиб. Я даже под впечатлением пару четверостиший написал — баловал-

* Духи — жаргонное слово, производное от «душманы» — враги (пушту). Советские военные, служившие в Афганистане, так называли зачастую бойцов афганских формирований, противостоящих правительственным вооруженным силам и советским войсковым соединениям.

ся тогда. Задело ваше настроение.

— Вот как,— глухо удивился Степан.— Может, прочтете... если не забыли, конечно.

— Не забыл. Сейчас, повторю про себя... Да, такие вот строки:

*Он вновь и вновь перед глазами
Живой, веселый и лихой солдат,
Но чаще — труп, изрезанный ножами,
Не всеми узнан был мой брат.
Афганский зной не замечаю,
На мины, пули наплевать.
Зачем я здесь, теперь я знаю —
За муки брата убивать.*

Степан отвел голову к пролетающей за окном густо-зеленой стене июньского придорожного леса, с полминуты молчал, потом неровным голосом оценил:

— Не Симонов, но это точно было у меня на сердце... На бумаге мне черкните пока едем, не забудьте. Бумага, ручка есть. И будем на «ты».

— Конечно, черкну,— пообещал Кирилл.— Я, кстати, после той встречи не раз еще расспрашивал наших военных-«афганцев»: что там и как. Неоднозначная картина выходила по рассказам, как и у тебя. А прежде официальную версию целиком разделял... Только вошли в Афган, от души вполне выскочило пафосное такое четверостишие. Прочсть? Для контраста. И не буду больше докучать своими старыми виршами.

— Ну-ну, интересно.

*В походе далеком советский солдат
Надежно свой долг исполняет.
Опять боевыми его автомат
Чужая беда заряжает.*

— Неплохо,— кивнул из вежливости Степан.— В русле советского интернационализма. И я так думал поначалу... Со временем, когда взгляделся в местных по обе стороны баррикад, стало доходить мало-помалу, в какое болото раннефеодальное и многоплеменное мы влезли со своей военной машиной. Свой у них интернационализм... А мы уже увязли — на радость янки... Вроде опытом обросли, контакт какой-никакой есть с афганскими армейцами, придавливаем духов. Но сопротивление не слабеет. Чую на своей шкуре — растет их поддержка извне: оружием, деньгами. Конца-краю не видно... Нужны мы здесь с огнем и мечем? Иных забот что ли нет? Донимали вопросы... Потом брата... Вопросы исчезли. Ротный все пытался меня придержать. «Не лезь на рожон,— орал.— Семью пожалей, дурак!» ...И насчет долга солдатского: краснеть нам не за что по большому счету.

— Теперь как думаешь: стоило входить в Афганистан, нет? Спорят все.

— Зря влезли с армией. Даже если бы Бог миловал и не рулил событиями Горбачев, а потом Ельцин, и сохранился бы Союз, цвел и рос — все равно зря... Напрасное дело — чужбину наставлять на путь истинный. Легче недруга нажать, чем друга — жизнь показала... О каких только диковинных странах ни хлопотали. А свою необъятную ослабляли и проворонили, в конце концов. На века она думали. Ее надо было беречь, крепить, лелеять — банально звучит да верно.

— С армией зря. А что надо было?

— Что надо?... Да по-соседски исключительно, тайно помогать симпатичной стороне: советами, оружием, ресурсами кое-какими. Скромненько так помогать. И кто победит, тот победит. С теми и ладить, если не дружить. Мы же это умели... Столько лет ладили с шахами афганскими. Торговали тихо-тихо, объекты хозяйственные строили к выгоде взаимной. Самая спокойная граница была в Союзе. Ты же вырос там, лучше меня знаешь.

Кирилл задумался немного и тотчас заулыбался:

— Конечно спокойная... Помню такой случай. На окраине нашего города был зоопарк — и поныне он живой. Амударья там рукой подать. Сразу от зоопарка в сторону реки шла в несколько рядов ограда из колючей проволоки — отсекала город от приграничной запретной зоны. Для обитателей зоопарка воду подавали из Амударьи по каналу, довольно широкому. На его входе в зоопарк стояла мощная стальная решетка. Но мы проныры — лет по двенадцать-тринадцать было — нашли ходы, пробирались из зоопарка в охраняемую зону и рыбачили на канале. Рыба непуганая, клевала как бешеная: усачи, сазаны, сомята, змееголовы некрупные попадались. С вышки наблюдательной — неподалеку торчала — пограничники нас засекали, как ни старались мы затеряться в камышах. Наблюдали за нами в бинокль. Поначалу мы поглядывали нет-нет в их сторону — вдруг нагрянут, успеть надо дать деру, в зоопарк вернуться — на вольную землю. Но нас не трогали, давали рыбачить. Пока не попались однажды юнцы-погранцы, что покуражиться решили — со скуки. Подкрались двое скрытно, наставили грозно автоматы. Пленили. На заставе, говорят, тревога, нарушение

границы, и вы, если не нарушители, то пособники их. Сейчас вас под арест и раскалывать, пока не очухались. Бежать вздумаете — огонь на поражение. Мы им: «Не первый раз здесь рыбачим, свои, местные. Хорош пугать». А они: «Рыбалку придумали ваши хозяева для отвода глаз. Решили прикрыться рыбалкой и пробраться скрытно в город, диверсию совершить в стране Советов. Почему продались плохиши?!» И, главное, сыграли так здорово, что купились мы, перетрухали не на шутку. Артисты эти не удержались, принялись ржать. Еще и порыбачили вместе. Такое приключение вышло... Спокойная была граница, неприметная... Была-то была, да смута пришла. А если бы американцы вместо нас в Афгане оказались? На нашей южной границе? С военными базами, ракетами?

— Это вряд ли... Во-первых, далеко. Афганистан далеко от Америки, от Афганистана далеко до наших центров силы — накладно там обустроиваться всерьез и резона нет стратегического... Во-вторых, американцы командовать горазды, корысть свою не скрывают, гонора навалом. Афганцы этого не любят. Не ладить им, не дружить тем паче... Оказались вот янки в Афгане со своей войной, лет семнадцать уже — и что? Все больше за стенами крепкими хоронятся. Под угрозой нападения непрерывной. Контролируют с подшефным правительством кусочки страны. Уйдут, тут же падет оно. Как во Вьетнаме.

— Может и так, — не стал возражать Кирилл и неожиданно переключился. — Но что же было после Афгана?.. Прости за нахальство — больно любопытно.

Степан чуть помолчал, соображая, о чем стоит говорить, о чем нет. Улыбнулся понятиливо, снисходительно и стал рассказывать:

— Окончил я свой МИФИ после возвращения — факультет автоматики и электроники. Попал в Курчатовский институт ядерной энергии. Перестройка уже в экономику вкатилась: кооперативы, челночный бум, частные магазины, рестораны, банки, дух коммерции, легких денег повсюду, цены ползут вверх, а зарплаты стоят — помнишь, конечно. Год выдержал в институте. Потом стал искать денежные варианты. По случаю пристроился в частный банк — в управление по эксплуатации и развитию информационной системы. Освоился быстро — МИФИ заслуга. Скоро уже рулил управлением... Банк оказался очень даже прибыльным — влиятельный политик опекал. Без проблем брали деньги у Госбанка Союза ССР под малый процент и под большой кредитовали крупные краткосрочные проекты. Деньги давали только солидным, проверенным заемщикам. Отсюда главный навар. Ума большого не надо, риск ничтожный. Депозитов, счетов предприятий было у нас с гулькин нос — так, для виду. Оклад шикарный плюс премии квартальные, годовая премия в десять окладов и никакого напряжения. Женился долго не думая. Новый мерс, квартиру купил и много еще чего. Экономисток хорошеньких к себе в управление набрал. Пошло-поехало — пир горой. Как говорится, я не могу не тратить — есть доход, из года в год «хочу» мое растет.

Размышлял не раз: могло быть по-другому, нет? Всякий раз приходил к выводу: не могло. Не в банк, на другое доходное место ушел бы... Не знаю, как у тебя, а у меня железная была уверенность, что эта вольница суетливая быстро сойдет на нет. Так же стремительно, как возникла. Не сама сойдет — ясно. Погасят ее, прикроют, как НЭП* когда-то... Не хотел момент упускать.

Тут ГКЧП**, провал его скорый, Союз на грани краха. Отец в то время уже в отставку вышел, но по гражданке работал с Ахромеевым***. После самоубийства маршала, крушения Союза в депрессию впал кровешную. Высох весь, ослаб. Кое-как из комнаты в комнату передвигался. Все стволы из квартиры вымели. Еле уберегли его тогда... Помню, шумел иной раз: «Не успели поставить Варенникова**** вместо Язова*****. С ним и Ахромеевым армия спасла бы Союз». А я, дрянь бессердечная, ему: «Какая армия, батя! Что было после Баку, Тбилиси, Вильнюса? После этих акций по принуждению к порядку? Все жертвы немногие на армию повесили. А Верховный отмолчался трусливо: я не я, армия не моя. СМИ ошалевшие ее в кровавого монстра превратили. И сдулась твоя армия. Глянуть хмуро боялась в сторону бунтовщиков, не то, что силу применить».

Что дальше?.. Цветочки перестроечные отцвели, пошли ягодки — шоковая терапия. Тотальная рыночнизация, ценовая либерализация, гиперинфляция, приватизация, производство валится, заводы встают, бюджет худой, государство драпает из здравоохранения, образования, системы правопорядка, армии и оборонки, культуры — отовсюду. Бандиты наступают, штурмуют предприятия, идут во власть, разборки, перестрелки. Безработица, нищета, смертность прут вверх. Народ ошарашен, в толк не возьмет, почему такое, не за то ратовал, хотел обновленного социализма или чего-то вроде скандинавского капитализма, где рыночная экономика есть, а бедных нет, и на тебе! ...Я рассказываю, словно ты за бугром где был, мимо тебя это прошло. Или был?

— Здесь я был, здесь, — усмехнулся Кирилл.

* НЭП — новая экономическая политика, проводившаяся советским государством в 1920-ые годы.

** ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

*** Ахромеев Сергей Федорович — маршал Советского Союза, начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР в 1984—1988 гг., советник М. С. Горбачева по военным делам с 1988 г. Из-за разногласия с Горбачевым подал в отставку в 1991 г., но тот медлил, не принимал решения. Ахромеев поддержал ГКЧП.

**** Варенников Валентин Иванович — генерал армии, Главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель Министра обороны СССР в 1989—1991 гг. Поддержал ГКЧП.

***** Язов Дмитрий Тимофеевич — маршал Советского Союза, Министр обороны СССР в 1987—1991 гг., член ГКЧП.

— Но, ты знаешь,— продолжил «афганец»,— меня все эти напасти несколько лет вовсе не занимали. Банк мой перешел «под крышу» ельцинского сподвижника, жил прежним макарком, бандиты не трогали, разжирел еще больше, меня не забывал поощрять. И продолжал я пировать-жуировать.

— А что случилось через несколько лет? — не удержался Кирилл.

— Батя! — грохнул кулаком о подлокотник кресла Степан.— Он встряхнул, растолкал... Дорогой ценой...

Общались мы редко с тех пор, как я перебрался на свою квартиру. Образовался явный холодок между нами и шел он изначально от отца. Когда я заезжал изредка — повидаться, денег подкинуть,— больше с матерью беседовал. И деньги мать тайком брала от бати — против был... Жил он в общем тихо, размеренно, по-пензионерски. Но встречался частенько с бывшими сослуживцами и советскими управленцами отставными (в доме их немало жило). Громили политику властей: и внутреннюю, и внешнюю — мать рассказывала.

В один из моих приездов он, к моему изумлению, позвал к себе в комнату — побалакаем, говорит. Побалакали. В своем стиле он «взял быка за рога». Гляжу, говорит, на тебя, жизнь твою веселую, привольную и любопытно мне, долго еще будешь обслуживать новых буржуев, в холуях ходить? Ты, кавалер ордена Красной Звезды!

Смешался я от неожиданности, обиды. Отнекиваться стал: не прав ты, батя, ни у кого в холуях не жужу, наемный я работник, сложным направлением в банке рулю, неплохо получается, потому ценят, платят хорошо.

А он своим громовым гласом: «Ты матери лапшу вешай. Доят госказну хозяева твои, спекулируют народными деньгами и тебя используют в своих аферах. За пособничество и лояльность тебе платят хорошо! Ты не видишь, что у нас в стране идет форменный грабеж?! Государством организованный грабеж!»

Вижу, заводится он, краснеет — наверняка от давления. Пытаюсь отшутиться. Экспроприация, говорю,— наша традиция, революционная.

А он: «Дурень, после октября 1917 перераспределялись материальные ценности от явного меньшинства к большинству народа. К большинству, которое и создавало эти ценности на протяжении веков. А теперь плоды трудов большинства уходят к явному меньшинству. Какой-то сотне тысяч ловкачей, близких к шокотерапевтам кремлевским и местным. Под флагом рыночных реформ и возврата на столбовой путь развития. При активной поддержке Запада во главе с американцами. Он и подсунил сумасбродному, недалекому Кремлю разорительную шокотерапию. Потому что это путь гарантированного, крайнего ослабления России. То Западу и нужно: истощить, взять под контроль главного конкурента. То и выходит: мы чахнем, возьмем в зависимости от Запада. Повезло ему крупно два раза кряду. Первый раз с Горбачевым, теперь вот с Ельциным... Ты представляешь, какой дичайший проект осуществляется в стране, если в результате каждый год небывало падает национальный доход и притом резво растет его доля, достигающая сотне тысяч ловкачей. Низость несусветная: для создания российских миллионеров и миллиардеров долларовых средства отбираются у школ и учителей, важных технических систем и инженеров, науки и ученых, армии и военных, пенсионеров, детей... Как это могло произойти?! Уму непостижимо!»

Отец тяжело дышал, но был я раздражен его оскорбительными эпитетами и не утерпел. Устал, говорю, народ от нескончаемого дефицита обычных бытовых вещей, пустых обещаний повышать «благополучие каждого советского человека». От гордости за танки и ракеты, за музейно-балетную, колбасно-конфетную Москву, за «ведущую роль СССР в мировом коммунистическом движении». От компартийного идеологического маразма устал. От унижительной участи быть запертым в своей стране. От тухлой морали советских властей: вместо того, чтобы сокращать дефицит для всех, они себя любимых избавляли от него через персональные закрытые прилавки. Народ жаждал перемен, реального решения застарелых проблем. И поверил Ельцину, который взялся за них.

Батя перешел на нервный шепот: «Да ты прямо рупор шокотерапевтов махонький. Слово в слово повторяешь их доводы — горстка правды и гора лжи... И что! — загремел он опять.— Все путем идет, не прогадал народ, не обманулся?! Я в отличие от тебя выхожу в люди, знаю настроения трудовых масс. Частушка одна их метко передает — недавно услышал... Вечер. Возвращаемся с соседом на электричке с его дачи — рыбачили на Оке. Кстати, это бывший директор станкостроительного завода; треть станков шла на экспорт, а теперь в цехах торговые ряды. Так вот, по полным вагонам ходит куплетист с баяном — кто сколько подаст. Он и спел ту частушку — легко запоминается:

*Боря, Боря, патриот,
За народ пластался.
Дал венец ему народ,
В жопе оказался.*

Ни ха-ха тебе в вагоне, ни хи-хи, щедрые горькие аплодисменты».

— Я продолжаю обороняться,— усмехнулся грустно Степан.— Вспомнил афоризм, забыл чей: «Жаждающие перемен приступают к ним, мало задумываясь о последствиях, словно путники, изнывающие от жары и без колебаний бросающиеся к первому встречному источнику воды». Довели, говорю, людей до жажды,

немудрено было им ошибиться.

Отец дернулся раздраженно в кресле. Какая, зашумел, жажда, скажи еще про угрозу голода, которой пугали шокотерапевты, начиная свое черное дело — подлое вранье... А правда в том, продолжил он, немного отдышавшись и понизив голос, что мы не вперед двинулись осторожно, как китайцы к примеру, а бросились сломя голову назад, в прошлое, теряя массу полезного, потом и кровью оплаченного. В мир шарханулись, где малость богатых и тьма бедных, где правят богатые в интересах богатых. Народ это кажется понял. Ты уж точно, прикидываешься только... Понял-то народ, понял, а терпеть будет долго, как водится.

На том мы и расстались. А рано утром звонит мать, плачет: обширный инфаркт у отца. К вечеру умер батя в реанимации. Я помог — факт...

«Афганец» умолк, прикрыл глаза. Молчал задумчиво и Кирилл, боясь ляпнуть что-либо невпопад.

— Прав был батя,— прервал, наконец, молчание Степан.— И по поводу наших рыночных реформ, последствий их мрачных... И по поводу меня: обслуживал своих банковских нуворишей за хорошее бабло, обирал людей да понимал к тому же, что к чему. А возражал ему с досады, по злобе.

— Не сгущаешь краски? — встрял Кирилл.— С работой повезло — да. Но платили тебе хорошо все же за квалификацию, умение головой работать, управлять. Как ты обирал? Кого?

— Не сгущаю. Давай возьмем, скажем, главного врача больницы или университетского профессора, полковника генштаба или главного инженера электростанции. С квалификацией, умением головой работать и управлять у них порядок. Только заработок был раз в десять-двадцать меньше моего. Еле ведь сводили концы с концами. А я понимал, что им явно недоплачивают, мне явно переплачивают, и чтобы мне переплатить, им нужно было недоплатить. Кто так устроил — другой вопрос. Важно, я понимал это и принимал. Значит, обирал их по сути. И не только их. Так-то...

В общем, сошлось все одно к одному: и смерть отца, и его презрение ко мне нескрываемое... и сознание собственной неспособности изменить свою изобильно-разгульную жизнь. Последнее просто приводило в бешенство. На сотрудников бросался по пустякам, с шефом банка поцапался. На жену и дочь рычал: боялись на глаза мне попадаться.

Выручал стадион полузаброшенный, рядом с домом. Бегал там часто по вечерам до дрожи в коленях, до изнеможения. Что-то ел потом и отрубался. Назавтра хандра, желчь возвращались. Зато высypался и бухал меньше...

Да-а, стадион мой, стадион. Он и поправил мне жизнь.

— Как это? — спросил Кирилл с предчувствием нового поворота.

— Однажды, когда я бегал, занесло на стадион парня лет восемнадцати — на мопеде. Рослый такой, акселерат. Дал один круг — понравилось. Продолжает кататься. Народу на беговых дорожках немного: пара мамочек молоденьких с колясками, несколько пенсионеров гуляли, тройка бегунов, помимо меня. Люди отдыхают, физкультурой занимаются, а он чадит, тарыхтит всюю, малышей пугает. Нашел место! Начиная закипать. Сейчас, думаю, доедешь до меня, направлю мигом отсюда. Опередил дедок-пенсионер: преградил парню дорогу, выговаривает. Тот бесцеремонно отстраняет дедка рукой — не мешай, мол, старче. Но ветеран упорный, встает на пути. Дитина этот невозмутимо слезает с мопеда и бьет старика кулаком в лицо. Тот грохнулся ничком, еле шевелится. Я бегу навстречу и все это вижу. Рванул вперед, врезал пару раз что было сил. Соображать толком начинаю, когда уже вижу парня лежащим без движения: голова на бетонном бордюре, кровь на ней. Беда. Пульс проверил — живой. Вызвали скорую. Медики парня привели в чувство кое-как, забрали в больницу. Менты — вслед за скорой появились — опросили свидетелей, повезли меня в отделение. Дедок тот стойкий все повторял: «Не беспокойтесь, товарищ, где надо я скажу, что он первый напал, а вы за меня вступились». В общем завертелось дело.

— Ну и ну,— покачал головой Кирилл.— Трагичный случай. А как парень?

— Сотрясение мозга у него было и гематома, оперировали. Где-то месяц лежал в больнице, оклемался. А еще до его выписки меня осудили по статье 112 УК: три года колонии-поселения.

— Ни хрена себе! — возмутился Кирилл.— У тебя же аффект был натуральный. Ученье должны были. И что ветеран афганской кампании.

— Аффекта моего свидетели не заметили, даже дедок тот. Я не настаивал... А Афган учли: обвинение упирало на жестокость «афганцев».

— Апелляцию подавали? Можно было на условный срок выйти или вовсе без наказания обойтись, если договориться с потерпевшим.

— Не хотел я апелляции, не хотел договариваться, ничего не хотел...

— Недалеко от Москвы отбывал?

— Просил куда подальше. Оказался в глуши Вологодской области.

— И как там?

— В колонии все почти были первоходы, за незначительные преступления. Отморозки мне не попадались. Жили в стареньких двухэтажных общагах, по четыре-пять человек в комнате. Обычно в будние дни, иногда и в выходные — кто на сельхозработках, кто плотничать по-простому: ящики, штaketники всякие делали, табуретки...

Первый месяц помучился, конечно, пока привык к режиму, стряпне пресной, к соседям по комнате притерся. Овощей и фруктов почти не давали. Караул! Я ж фруктово-овощная душа. Не успокоился, пока не

сыскал к ним дорожку...

А вообще повезло мне — попал в подмастерье к столяру-краснодеревщику. Резьбе незатейливой обучился. Страсть как это дело понравилось. Скоро уже сам мастерил стулья с резными спинками для поселковой администрации, офицеров колонии, охранников. Придумывал узоры, вставки из можжевельника — чудный дух дают. Акции мои вверх пошли. Запросто стали отпускать в поселок: в библиотеку, магазин продуктовый, прошвырнуться так просто на воле... Какие там места, Кирилл! Лес вокруг дремучий, никаких вырубок близко. Воздух чистейший, ароматами лесными сдобренный. Особенно зимой сказка, когда гнус не добирает...

Неподалеку от нас был монастырь мужской. Эконом монастырский прознал про мои искусства и поступил заказ. В трапезную сделал скамьи с резными ножками, потом наличники для монастырских построек, еще кое-чего. Долго нет заказа из монастыря, сам его сочиню и подкину эконому. Так и мастырил что-нибудь монахам пока срок мотал. Тянуло в монастырь... Покойно там было, душевно... Тогда же стал вчитываться в Евангелия; прежде по верхам отдельные куски пробегал...

— И что? — понимающе улыбнулся Кирилл.

— Ты знаешь, — заволновался вдруг Степан, — обнаружил исключительную актуальность ключевых Христовых заветов: не стремиться к богатству, росту материального благосостояния, довольствоваться малым, самым необходимым. Как же образно Он припечатал обогащение материальное!

— Прямо-таки припечатал.

— Именно. Жестко и недвусмысленно. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное». Эти слова Христа о чем? Не о том ли, что путь к материальному богатству и обладание им усеяны неисчислимыми искушениями, перед массой которых невозможно устоять, что обогащение тянет за собой букет греховный: гордыню, жадность, криминал всякий, блуд и распутство, праздность, прочее. Недосуг над прегрешениями поразмыслить, о покаянии подумать или вовсе потребности в этом нет... Вероятность попадания богатого в рай близка к нулю — вот что утверждал Иисус Христос! И еще от Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Это вообще слова твердого материалиста, все равно как сказать «бытие определяет сознание». И точно, если человек обладает материальным богатством, занят его накоплением, то думы, заботы, переживания сосредоточены на сбережении, преумножении, рачительном использовании своего состояния, нет места высоким чувствам либо мало его совсем для них. Будь он хоть самым примерным внешне христианином, а сердце его с богатством.

— А если богатый живет с семьей очень скромно, все свои свободные средства расходует на нуждающихся, что и он не достоин рая?

— За такого я проголосую, если понадобится, — ухмыльнулся Степан. — Только назови хотя бы одного.

— ...Не припомню, — замылся Кирилл. — Как-то не интересовался этим.

— То-то и оно. Если и есть подобные, такая они редкость...

— Но почему ты решил, что заветы эти прямо-таки исключительно актуальны? — скептически спросил Кирилл. — Всегда они были важны для христиан настоящих и мыслящих нехристиан. И во времена, когда Иисус Христос проповедовал, и тысячу лет назад, и теперь. И завтра будут.

— Да потому, что теперь глобальное значение материального обогащения совсем не то, что в прошлые времена. Прежде счет богатых на Земле шел на тысячи. Сегодня они исчисляются не одним десятком миллионов и на пятки им наступают еще сотня-другая миллионов с солидным материальным благосостоянием. Это авангард высокого потребления, о котором мечтают все почти остальные, которое пропагандируют богатые настойчиво и изобретательно: им нужен рост продаж у их компаний, преумножение богатства. И они наращивают объемы производства. В итоге имеем колоссальные, непрерывно растущие отходы производства и потребления, загаженную донельзя Землю: сушу, воды, воздух. Многие серьезные эксперты давно уже предсказывают скорое катастрофическое будущее... Земля долго выдерживала тысячи, но не выдержит десятки миллионов обжор.

— Итак, культура материального обогащения — главная на сегодня беда человечества, способная его погубить?

— Да! И Христос предвидел губительную ее сущность задолго до пришествия капитализма, когда богатство стало доступно многим, задолго до ее сегодняшнего триумфа, когда она победно шагает по планете, утопающей в человеческих отходах... И только большевики смогли поставить ее вне закона, загнать в подполье, подобно тому как потеряв терпение Иисус бичом изгнал торговцев и менял из храма. Советские люди были изолированы от возможности обогащения, как монахи от мирских соблазнов. Большевики добивались социальной справедливости и притушили заодно этот рассадник грехов... большое богоугодное дело сотворили. Эти атеисты оказались воинами Христовыми! А советский проект доказал, что избавленные от возможности обогащения люди более счастливы, открыты высокому, способны многого достичь во всех сферах жизни и без тысячелетнего мотиватора человеческой активности.

— По Христу, у богатого все шансы загреметь в ад, а духовенство открыто благоволит к богатым. Как тебе такое?

— Церковь живет на пожертвования... Надо сказать, спрашивал я об этом в монастыре самого игуме-

на, в осторожной очень форме.

— И что он?

— Напомнил, как фарисеи упрекали Иисуса Христа, что ест и пьет с мытарями и грешниками, а Он сказал: «...Не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

— Не сообщил монахам, что большевики — воины Христовы? — озорно поинтересовался Кирилл.

— Предложил одному подумать над этим; бывало, беседовали с ним по душам. Он сказал «не богохульствуй»... Немногословные они. Я думал, на севере монахи такие. А они и в моем монастыре под Владимиром скупы на слова.

— Что значит, в моем? — опешил Кирилл.

— Лет двадцать уже провожу в этом монастыре два-три летних месяца, иногда сентябрь прихватываю. Трудовым паломником. По своему вологодскому профилю работаю. Туда и еду.

«Афганец» кивнул на багажную полку, где громоздилась его внушительная дорожная сумка:

— Вон инструмент мой столярный.

— А как на жизнь зарабатываешь?

— Фрилансер ваш покорный слуга. Прикладным программированием занимаюсь, когда приличный проект подворачивается, или делаю резные стулья, столы, комоды, тумбочки — это уже на дачке, там мастерская. Иногда удается сочетать.

— И давно так?

— Как освободился из колонии, так в свободном плавании.

— В банк не пытался вернуться?

— Звали, не пошел.

Тут объявили, что поезд прибывает на станцию Владимир.

Кирилл расстроился:

— Ну вот, столько всего не рассказал. Про семью ничего.

Степан улыбнулся сдержанно, встал, стал складывать в сумку книгу, газеты, оправляться:

— Мама жива, слава Богу, жена и дочь рядом. Кстати, дочка отличный стоматолог... Мы с тобой можем встретиться как-нибудь после лета, тем более должок за тобой — история твоя и текст стиха того про брата и меня.

Они обменялись номерами телефонов, попрощались и «афганец» заспешил к выходу.